

„ХОЗЯЙСТВО КАРАПЕТЯНА“

ты, а для книжки, которую я напечатать после войны.

Мы теперь предавали анафеме злополучное «хозяйство Карапетына», отнявшее у нас Гайдара на три дня. Да, да, на целых три дня улетучился наш штурман, наш добрый дядька и наставник!

И вот как это произошло.

Километрах в тридцати от ложного, «декоративного», буцафорского аэродрома находился настоящий, боевой. И майор Карапетын увлек нас туда, представил начальнику штаба. Узнав, что специальным рейсом в Москву летит самолет СВ-3, скоростной бомбардировщик, накануне прошедший дальнюю и важную разведку до самых Карпат, Гайдар вдруг захотел слетать на бомбардировщике.

— Я скоро вернусь, — успокоил нас Гайдар. — Этим же самолетом привозят меня из столицы. Спрячут меня в люк, вы представляете, как это забавно? Вместо бомбы — Гайдар! Что-нибудь напишем о штурмане, о стрелке-радисте, если о «хозяйстве Карапетына» нам не дозволено сейчас писать. В Москве захвачу шинель фуражку. Ждите меня, мушкетеры, здесь, собирайте материал о летчиках-комсомольцах, а Савельич пусть машину рядом с аэродромом не держит. Вы, в случае налета, похватайтесь в щели, а машину надо беречь.

По дороге на Москву, как сообщил нам начальник штаба бомбардировочного полка, СВ-3 два раза принимал воздушный бой, отражая атаки «мессершмидтов».

Вернувшись в Киев после недельной отлучки, Гайдар ни словом не обмолвился о воздушных боях, невольным участником которых ему довелось стать. Он сразу же заинтересовался судьбой своего нового друга Карапетына, но майор за это время успел сменить два адреса, каждую ночь он вызывал на себя массивный удар немецкой авиации на других ложных аэродромах и перекочевал куда-то под Полтаву.

Гайдар часто вспоминал «хозяйство Карапетына». Он все ратовал, чтобы побольше было устроено ложных артиллерийских батарей, танков, аэродромов.

Хозяйство Карапетына ни звука. Нельзя. Тайна. После войны будешь писать про Карапетына. Понял? Немцы бомбили макеты, деревянные, игрушечные самолеты. Понял? А чтоб они ярче горели, мы их бензинчиком покропили. Хозяйство Карапетына — это два прожектора, одна зенитка. Мал золотник, да дорог.

Когда Гайдар понял, что немцы попались на хитрую наживку Карапетына и громили, поджигая бомбами, ложный аэродром, он бросился обнимать майора, благодарил его за блестящую выдумку.

— Рад с вами познакомиться, — пожимал он руку майору. — Ловко вы их одурачили. Они ведь с немецкой пунктуальностью сфотографировали с воздуха, будут разпортовать генштабу, мол, сожгли столько-то советских самолетов. Врага на войне бьют не только силой, но и хитростью, вы правы, мой друг, Карапетын! А как же называется ваша операция?

— Как хочешь называй, — ответил майор.

Гайдар со свойственной ему способностью привязываться к оригинальным людям не отставал теперь от своего нового знакомого. Тот в свою очередь почувствовал симпатию к писателю и уже приглашал его после войны заехать в родную Армению, в Ереван, «там сразу найдешь Гургена Карапетына», — уверял он. Аркадий Петрович забыл, казалось, о танкистах, куда так торопился. Необычное «хозяйство Карапетына» захватило буйное воображение Гайдара.

Мы, реально оценив обстановку, пробовали увести его отсюда, доказывали, что ни одной строчки о «хозяйстве Карапетына» не разрешат печатать, было бы пределом наивности публиковать подобные вещи, с головой выдавая себя неприятелю. Но не так-то легко оторвать Гайдара от захватившей его темы.

— Чудотворцы, — смеялся он, — Карапетын мне нужен не для газе-

куда-то одиноко пальнула зенитка и трассирующие пули разноцветными нитями поползли вверх.

— Операция продолжается! — потирая руки и чуть не танцуя, восклицал майор. — Ох, если бы знал Гитлер, дал бы прикурить эй Карапетыну!

Вражеские летчики сперва повесили над аэродромом «люстру», гирлянды из осветительных ракет, заливших все поле, обрамленные лесопосадками, холодным, тревожным, вздрагивающим светом, резавшим глаза.

Майор начал было считать рвавшиеся бомбы на поле, но потом сбился и только, хлопая в ладоши, с дикой радостью выкрикивал:

— Чу-дес-но-о! Бейте-е! Не жалейте хозяйства Карапетына! Еще бросай! Мало, гады, не жалей бомб! Гайдар повернулся к нам и шепнул:

— По-моему, ребята, этот майор рехнулся.

А тот, выглянув из землянки, кричал громче прежнего:

— Ты посмотри, как горит? Метко бросают. Ай, какой костер! Железный крест получите от фюрера...

Гайдар, прижавшись спиной к глинистой стенке землянки, казалось, вот-вот набросится на майора, который ликовал, видя, как полыхают наши самолеты. Но уже погасла «люстра», отбомбившись, «юнкеры» взяли курс на запад. Аэродромное поле было охвачено кострами.

— Чего ж вы сидите? — сердился Гайдар. — Надо бежать... Будем спасать самолеты!

— Пусть горят себе на здоровье! — махнул рукой майор. — Штук тридцать «юнкеров» было, как вы думаете? Если по десять бомб сбросил каждый? Триста бомб. А фанеры не жалко. Пусть горит на здоровье!

Выползая из землянки, майор сказал Гайдару:

— Вот теперь бери, товарищ интервью у Карапетына. Только про-

горной, они тоже, брат, «короли бензина», отборного, чистого, авиационного...

Буквально из-под земли, где-то в трех-пяти метрах от шлагбаума, вырос, как привидение, длинный, словно жердь, майор, в расстегнутой гимнастерке, без фуражки, заросший черной, густой бородой.

— Можно видеть командира части? — спросил Гайдар.

— Можно, — ответил майор. — Документы есть?

— Есть, — протягивая удостоверение, сказал Гайдар. — Военные корреспонденты, Москва.

Вернув удостоверение, майор с сильным кавказским акцентом произнес:

— Не по адресу попал... Поворачивай оглобли и марш отсюда. Тут будет нехорошо...

— Да мы... Газета. Понимаете? — объяснял ему писатель.

— Знаю, — заявил майор. — Не пушу!

— Мы будем жаловаться генералу, — пригрозил Гайдар.

— Знаю, — не повышая голоса, ответил тот. — Не поможет.

— А где ваш Карапетын? — гогочился Гайдар. — Разрешите с ним по телефону связаться?

— Не разрешу!

— Почему?

— Нет телефона.

— На аэродроме? — удивился Гайдар. — Где ваш штаб?

— Вот мой штаб, — показал майор на вход в землянку, замаскированный зелеными кустами. — Потом посмотрел на часы и произнес. — Скоро прилетят. Утром была «рама». Разведчик немецкий снимал наш аэродром, как хотел.

— И вы разрешили? Не стреляли? Не прогнали? — спросил Гайдар.

— А зачем стрелять Карапетыну? Карапетын знает свою задачу. Пусть фотографирует сколько душе угодно.

— Так они же прилетят бомбить? — Гайдар повысил голос.

— Пусть бомбит сколько угодно,

Чем больше бомб, тем лучше для Карапетына. Жаль, что мало самолетов прислали Карапетыну. Прислал сто, дали сорок пять. Мало будет огня. Карапетын любит большой огонь.

Гайдар вытянул шею и с какой-то опаской смотрел на сумасбродного майора. Он порывался пройти на аэродром, но майор перешел на строгий тон:

— Карапетын шутить не любит, — майор провел рукой по кобуре пистолета. Но вскоре майор сжалился и посоветовал:

— Машину отгони километров за пять, чтобы ее не сожгли. А сам прыгай в землянку. Нервы крепкие? Валерьянки не будешь просить? Смотри-и! Карапетын шутить не любит!..

Савельич угнал машину в степь. Сгустились лиловые сумерки. Густая темнота заволочла небо, сперва оно было серым, темно-свинцовым, а потом чернота разлилась вокруг, выпали крупные звезды, приветливо замерцавшие над головой.

Пол землянки был застлан хрустящим сеном, ни стола, ни скамейки, бревенчатый потолок, в углу тускло горел фонарь.

— Как вам нравится хозяйство Карапетына? — спросил майор, приглашая нас располагаться на плаще, небрежно брошенном на душистое сено.

Послышался надрызвный, захлебывающийся гул, он нарастал, наполняя бархатный, вечерний, дремотный воздух зловещим и леденящим душу дребезжанием.

Майор высунул голову наружу и кричал в темноту:

— Иду-ут... Слава богу! Сейчас развернутся, спикируют и бабахнут фугасками и зажигалками. О-о, все небо ревет.

Гайдар вплотную подошел к майору, он увидел, как где-то в кустах, на другой стороне аэродрома, вспыхнул ослепительный луч прожектора, полоснул небо, еще от-

— У танкистов, Савельич, и заочуем. Не против, старина? Это моя ошибка, что раньше вас сюда не затаскил. Пехоту, Савельич, называют «царица полей». Артиллерея — «бог войны». Но, если нет танков, то «царица» неохотно подымает голову во время боя. Т-34 грозная машина... «Бог войны», «царица полей», а как, Савельич, танкистов называть?

Остроносый шофер хмыкнул, ему должно быть приятно, что Гайдар интересуется его мнением. Занятый практическими думами о горючем для машины и, зная веселый нрав хозяина, шофер ответил:

— Короли бензина, Аркадий Петрович!

Но дорога резко оборвалась. Савельич затормозил машину у канавы, вырытой неподалеку от лесопосадки. Чуть поодаль виднелись столбы, опутанные колючей проволокой, и пестрел опущенный к самой земле шлагбаум. Гайдар спрыгнул на землю, подошел к дереву и прочел на фанере, приколоченной к стволу ясеня: «Хозяйство Карапетына». Сквозь редкие заросли желтой акации и кустов колючего шиповника Гайдар в этот предзакатный час увидел на поле самолеты.

— Эй, Савельич, — крикнул Аркадий Петрович. — Проиграл пари. На этот раз — осечка, интуиция подвела. Попали к ангелам. Но не

Прослышав о дерзком маневре наших танков Т-34, Гайдар с мальчишеским блеском в глазах, предвкушая «потрясающую встречу», вез нас в танковую бригаду, то и дело восклицая:

— Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой! А тут, мушкетеры, не три танкиста, а целая бригада. Внимание, танки! Кто назвал так книгу? Э-э, мушкетеры, чтобы бить врага, надо знать его. Это нашумевшая книга гитлеровского танкового «бога» генерала Гуд-Фриана — «Внимание, танки!». Поворачивай, Савельич, к тому пригорку, танки в лесочке спрячутся, чувствует мое сердце...

Савельич привык верить своему оригинальному и веселому начальнику, каких, по его признанию, он «сроду не видел». Шофер выжимал из машины все что мог, надрывно гудела коробка скоростей. Надвигались сумерки, а ночевать в степи ему очень не хотелось уже хотя бы по той причине, что немцы повсюду сбрасывали десанты и можно было легко напороться ночью на фашистских автоматчиков. Кроме того, Савельич нервничал, косо поглядывая на танцующую стрелку, показывающую уровень горючего в бачке, а Гайдар заверил водителя, что танкисты — народ добрый, гостеприимный, не только заливают в бачок бензина, но дадут и на дорожку пару капель.